

Эпистемическая ситуация как смысловая единица научного текста в стилистическом и риторическом аспектах (К развитию понятия)¹

МАРИЯ П. КОТЮРОВА
(Пермь)

Феномен профессора Станислава Гайды как замечательного организатора науки выражается в притяжении лингвистов к одному из крупнейших международных центров славянской стилистики: географически – городу Ополе, в когнитивном отношении – к реализации международных научных проектов по изучению славянских языков, а также к журналу „Stylistyka”. Исследовательское пространство Ст. Гайды начало формироваться с интереса к терминологии, закономерно приведшего к проблемам функционирования языка в сфере научной коммуникации. Поводом моего заочного знакомства с юбиларом явилась его книга *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym* (Gajda 1982). Вернемся к истокам... и обратимся к пониманию термина.

Примем за исходное следующее утверждение. Содержание текста может быть соотнесено с научным знанием, охватывающим совокупность

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта РГНФ № 14-34-01026а1. Статья посвящена изучению научных текстов в дискурсивно-стилистическом аспекте и является продолжением публикаций автора 1998, 2011, 2011а, 2014, 2014а.

смысловых единиц, зафиксированных в научном тексте как в статике, так и в динамике. И отдельную смысловую единицу как эпистемический «квант» мысли в научном тексте, и совокупность этих единиц мы назвали, минимизируя терминосистему, одной номинацией – «эпистемическая ситуация». При широком, отвлеченном от контекста истолковании сочетания на передний план выдвигается сущность «эпистемической ситуации» как обобщенный «квант» мысли. Здесь важно, что, аналогично понятию категориальной ситуации в функциональной грамматике (Бондарко 2002: 319), понятие эпистемической ситуации представляет собой содержательную структуру, не прикрепленную «жестко» к одному какому-либо аспекту познавательной деятельности. И доминирующий исследовательский акцент, несомненно, оказывает решающее воздействие на содержание вводимого понятия. Надо сказать, что это понятие соотносится с существенной, специфической стороной научного текста – содержательной, непосредственно выражающей научное знание. Именно поэтому понятию эпистемической ситуации мы придаем важное значение. Научно-познавательный контекст данного терминированного понятия показывает, что оно используется в узком и широком смысле. Ниже рассмотрим эпистемическую ситуацию в различных трактовках, хотя каждая из них учитывает и содержание этой структурно-смысловой единицы, и выражение в тексте.

В узком смысле эпистемическая ситуация понимается нами исходя из цельности научного знания (Котюрова 1998), а именно голографически. Голографическая гипотеза основывается на следующих свойствах голограммы: 1) получаемое изображение трехмерно, его можно наблюдать с трех сторон; 2) любая часть голограммы позволяет воспроизвести практически всю картину; 3) на одну и ту же голограмму можно записать несколько изображений, а затем воспроизводить их по отдельности. «С позиций нейронной голографии, „высвечивание” отдельных аспектов увязываемой со словом информации не исключает, а неизбежно предполагает в разной степени четкое „всплывание” релевантных знаний» (Залевская 1985: 164).

Голографическая гипотеза, на наш взгляд, может быть применена, хотя и в модифицированном виде, к интерпретации выражения понятийного содержания в научном тексте. Важно, что «голограмма» того или иного научного понятия в качестве эпистемической ситуации может быть экс-

плицирована языковыми средствами либо действительно «трехмерно», как целостное изображение, либо только с одной или двух сторон. При этом другие «вычитываются» из контекста в силу эксплицитно-имплицитного характера любого текста. Интересно, что семантическая структура научного понятия стабильна, инвариантна, а ее смысловые компоненты и средства их выражения, естественно, вариативны, в противном случае невозможно было бы развертывание (и развитие) понятия (мы имеем в виду именно эпистемическое содержание текста). Отсюда считаем возможным в контексте данной статьи использовать номинации «эпистемическая ситуация», «смысловая единица» и «терминированное понятие» в качестве контекстуальных синонимов.

Возвращаясь к сказанному нами об эпистемической ситуации ранее (Котюрова 1998; 1996), а также Е. А. Баженовой в „Stylistyce” (Баженова 2005; 2014), поясним различия в трактовке этой структурно-функционально-смысловой единицы научного текста.

Совершенно естественно, что в тексте целого произведения терминированное понятие как трехаспектная (трехгранная) эпистемическая ситуация эксплицировано отнюдь не всегда в *полной*, развернутой форме онтологического содержания, методологической определенности и аксиологической ценности. Однако это обстоятельство совсем не означает того, что в научном тексте термины могут быть использованы как общеупотребительные слова, без эпистемической нагрузки. Другое дело, что эпистемическая информация именно в целом тексте может быть выражена экономно, причем в узловых моментах реконструированной коммуникативно-познавательной деятельности автора: в заголовке, оглавлении (в отношении такого сложного жанра, как диссертация, монография или учебное пособие), аннотации, введении, выводах, заключении. Приведем пример экспликации эпистемической ситуации в самой лапидарной форме – в заголовке научного текста, представив онтологический аспект прямым светлым шрифтом, *методологический* – полужирным курсивом, *аксиологический* – светлым курсивом: *Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального исследования.*

Интересно сопоставить два высказывания: (1) О функциональных семантико-стилистических категориях в *аспекте* коммуникативной теории языка – (2) Функциональные семантико-стилистические категории в коммуникативной теории языка. Как видим, в первом высказывании в полном

объеме зафиксирована именно эпистемическая ситуация, поскольку онтологический аспект (чему посвящена данная констатация) представлен термином «функциональные семантико-стилистические категории», методологический аспект / ракурс рассмотрения этих категорий – посредством терминированного словосочетания «в аспекте коммуникативной теории языка», а также дана аксиологическая характеристика содержания – авторская, предварительная, дискуссионная, о чем сигнализирует предлог «о» в начале номинации. Во втором высказывании эксплицирована индифферентная по отношению к адресанту информация, т. е. лишь констатирующая определенную мысль. Отсюда ясно, что смысловая нагрузка компонентов высказывания различна; см. в частности: в аспекте коммуникативной теории языка – словосочетание с предлогом «в аспекте» конкретизирует когнитивную функцию, ориентированную на методологическую информацию. В то время как словосочетание с предлогом «в» – в коммуникативной теории языка – фиксирует сугубо онтологическую, а именно пространственную информацию.

Наблюдения показывают, что в тексте обычно функционирует в качестве доминирующего лишь одно значение, причем, как пишет Н. Н. Белозерова, «в самом знаке нельзя обнаружить значение, поскольку оно всегда рассеяно, подчиняется другому значению и отложено». Если брать текст, то все номинации (особенно важно, что и терминированные понятия, и слова широкой семантики типа проблема, эксперимент, признак, свойство и др.) являются *недостаточными* (дефектными): «любое обозначающее содержит следы другого обозначающего» (Белозерова 2010: 20–21), поэтому данные номинации действительно наполняются содержанием, «рассеянным» в тексте целого произведения. Продолжая данное обобщение, можно сказать, что в конкретном контексте эпистемическая ситуация даже при ее неполном выражении легко реконструируется благодаря инвариантности ее семантической структуры, а также «следам» в тексте.

Научно-познавательная характеристика онтологического аспекта знания / содержания соотносится прежде всего с методологическим аспектом содержания, который эксплицируется такими лексическими единицами, как слова широкой эпистемической семантики типа явление, факт; наблюдение, опыт, эксперимент; часть, единица, компонент, сегмент, фрагмент, элемент; сущность, признак, свойство, параметр, характер, характеристика, особенность, сторона, черта: группа, разновидность, разряд,

тип, класс; основа, основание, фундамент; система, структура, функция и мн. др. Нельзя не заметить, что такие лексические единицы, как идея, проблема, гипотеза, концепция, теория, закон, которые – наряду с методологической информацией – фиксируют степень аргументированности, достоверности, значимости излагаемого знания, т. е. выражают аксиологический аспект содержания. Именно слова широкой семантики формируют специфическое содержание научного текста как научное знание. Обобщая, можно сказать, что мы подходим к трактовке понятия эпистемической ситуации как смысловой единицы научного текста с позиции целостности, результативности, «рафинированности» знания – знания, именно «очищенного» от самопрезентации автора с его рефлексией (см. о роли рефлексии, например: Рябцева 2005: 376–536, ч. III «Язык и рефлексия») и коммуникативно-прагматической установкой. Подчеркнем, что это позиция именно «знаниевая», т.е. узкая, собственно эпистемическая, учитывающая значимость содержания (как бы в отвлечении от формы экспликации) самого продукта научно-познавательной деятельности ученого. Добавим: эта позиция обусловлена учетом довольно высокого уровня абстракции.

Понятно, что уровень абстракции может быть понижен, тем самым рассмотрение такой (снятой) смысловой единицы текста, как эпистемическая ситуация, приближено к конкретному тексту. Рассмотренная выше схематичная модель этой единицы оживляется реальной текстовой действительностью. На этом основании Е. А. Баженова считает необходимым интерпретировать эпистемическую ситуацию шире, т. е. не отвлеченно от текста, а как раз «погрузить» ее в текст и даже дискурс, связанный с человеком, не только целенаправленно формирующим ЭС, но и активно участвующим в ее передаче адресату в процессе создания текста. В связи с этим Е. А. Баженова дополняет структуру эпистемической ситуации двумя аспектами: коммуникативно-прагматическим, связанным с вербализацией полученного знания и его ориентацией на адресата, и рефлексивным, включающим в себя оценку старого и нового, а также взгляды, представления ученого, его идеалы, убеждения, волевые и эмоциональные побуждения, психологические установки.

Как представляется, возражения здесь бессмысленны, поскольку трактовки находятся в отношениях не противоречия, а скорее, даже не дополнительности, а наложения. Поэтому важно главное – укрепить понимание того, что изменение ракурса рассмотрения предмета с неиз-

бежностью приводит к поиску новых аргументов. Мысль исследователя, благодаря ее способности выявлять, анализировать, аргументировать, трактовать, сравнивать, объяснять и т. д., в одном и том же тексте найдет основания (и средства аргументации наличия этих оснований) постановки и решения проблем на разных уровнях абстрагирования.

Обращаясь к реальным фрагментам текста, мы обнаружим те или иные «осколки» универсальной эпистемической ситуации, причем всегда в окружении субъектной информации, в частности рефлексивной и коммуникативно-прагматической. На данном уровне обобщения Е. А. Баженова соотносит эти виды информации с понятием политекстуальности (Баженова 2001; Котюрова, Баженова 2008), определяя дискурс ученого (коммуникативно-познавательную деятельность) в качестве совокупности компонентов, названных субтекстами (СТ): СТ нового знания, СТ старого знания, СТ авторизации, СТ адресации и др. По мнению Е. А. Баженовой, «понятие политекстуальности позволяет объяснить, как соотносится содержание „предтекстовой” дискурсивной деятельности автора с содержанием научного текста и его смысловой структурой, что, в свою очередь, способствует *более глубокому пониманию стилистико-речевого устройства научного произведения* (Курсив наш – М. К.)» (Баженова 2014: 14). Очевидна более широкая задача, поставленная автором при рассмотрении такой смысловой единицы научного текста, как эпистемическая ситуация.

В соответствии с нашей моделью понятие эпистемической ситуации важно прежде всего для автора текста при формировании периферийных текстов (Котюрова 1996), а также, естественно, и для адресата, воспринимающего содержание в обобщенно-эпистемическом виде. Название «периферийные» используется здесь безоценочно, поскольку дано лишь по отношению к основному тексту, в котором научное знание излагается полно, развернуто, в развитии. Уточним, что здесь речь идет лишь о некоторых периферийных текстах – собственно эпистемического характера – заглавии, оглавлении, аннотации, предисловии, выводах, заключении, в то время как в целом их круг значительно шире.

Теперь кажется вполне очевидным, что и перед автором научного текста, и перед интерпретатором этого текста стоят две задачи – стилистическая и риторическая. Эти задачи четко разграничены М. Н. Кожинной:

Стилистическое исследование изучает, **каков** тот или иной текст, **как** он устроен (средства его выражения, его организация, стилевое своеобразие и т. п.), риторике же,

учитывающую все это (но и многое другое), интересуется, **каким образом** данный текст (благодаря каким средствам и способам) воздействует на адресата, посредством каких сторон текста и *фонового контекста* достигается наибольшая эффективность общения (Кожина 2002: 146).

Другое дело, что в систему средств экспликации эпистемических ситуаций и их организации входит не только терминосистема, объединяющая исходные, основные и уточняющие понятия, но и общенаучные номинации форм знания, этапов познавательной деятельности, а также различные ментальные перформативы типа «Допустим», «Подчеркнем», «Следует заметить, что». Кроме того, в эту систему входят аналогичные по функции и разнообразные по форме и содержанию элементы структурирования и организации научного познания и изложения. Воспользовавшись обобщением Н. К. Рябцевой, подчеркнем, что «вместе они являются одновременно и риторическим средством квалификации, организации и объединения компонентов рассуждения в единое целое, и ментальным модусом, поскольку представляют собой способ [...] введения нового научного знания и его доказательства» (Рябцева 2005: 484). Как видно, дифференциация ментального модуса (если придать ему стилистическую квалификацию) и риторического средства оказывается весьма условной, но, как известно, функциональная синкретичность языковых единиц не новость для текста и не препятствие для анализа.

Нам представляется крайне важным ограничить понятие эпистемической ситуации, чтобы оно имело «обозримый» характер и им можно было пользоваться в интересах культуры письменной научной речи. В качестве фонового знания приведем обобщение, совершенно справедливое, обоснованное тонким и глубоким анализом речевой ткани научных рассуждений, которое находим в книге Н. К. Рябцевой *Язык и естественный интеллект*: «Риторические средства организации научного дискурса: ментальные перформативы, вопрос, рубрикация, нумерация и др. (ср. эмфазу, шрифты и т. п.) – это способ облегчения восприятия текста [...]» (Рябцева 2005: 471).

Безоговорочно принимая убедительное мнение Н. К. Рябцевой, уточним роль понятия эпистемической ситуации в научном тексте. Это понятие, обусловленное когнитивным процессом, выполняя описательную (констатирующую) функцию, ориентирует автора на такое изложение полученного научного знания, которое соответствовало бы универсальной модели

эпистемической ситуации. В то время как объяснительная функция данного понятия может быть реализована только благодаря «сознательной рефлексии над коммуникативной организацией текста» (Рябцева 2005: 471).

Рассмотрим заголовок диссертационного исследования (АКД) – *Структура текстового сообщения в ограниченном коммуникативном пространстве*. Вполне можно считать, что заголовок выполняет описательную, констатирующую, функцию, обусловленную когнитивным процессом. Материалом данного исследования послужили «тексты электронной коммуникации – сообщения об ошибке компьютерных программ и операционных систем». Можно предполагать, что работа может оказаться весьма полезной для программистов, но вызовет ли именно их интерес на основе библиографического описания? В этом нет уверенности, поскольку содержание терминированного понятия «коммуникативное пространство» имеет слишком широкий характер, в то время как определение «ограниченное» по существу неинформативно: ограничено локально или темпорально? Как можно видеть, сфера применения полученного автором нового знания – об ошибках программистов – не раскрывается в названии исследования, интересного и значимого не только в теоретическом, но и в практическом отношении. К сожалению, вполне возможно, что работа, выполненная и защищенная в области теории языка, актуальная и полезная в прикладном отношении, из-за неудачного заголовка, по существу оторванного от основного текста, может быть недооценена научным социумом и потому не востребована.

Следует отметить, что для создания гармоничного заголовка научной публикации совершенно необходимо не только терминологически точно назвать предмет мысли (онтологический аспект знания), но и актуализировать методологический и аксиологический аспекты. Интересно, что для их репрезентации в языке для выражения научного содержания сформировался широкий ассортимент специальных средств.

Обратимся к монотематическим фрагментам текстов, описывающим определенные эпистемические ситуации. В квадратных скобках дадим комментарий – функционально-семантическое значение языковой единицы, подчеркнутой прямой чертой.

Бондарко А. В.: Говоря о коррелятивности в рамках [модально-логические отношения распространения в когнитивном пространстве] одного и того же лексического значения, но не одного и того же слова, **мы имеем в виду** структуру [характеристика структуры]

тех категорий, которые **не могут быть признаны** словоизменительными [...] при этом члены [компоненты, элементы – характеристика по составу] видимых пар **рассматриваются нами как** разные слова [...]

Мы не случайно подчеркиваем наличие [бытие, существование – модально-логическая характеристика отношения к действительности] двух разновидностей [предметно-логические отношения сопоставления с другими предметами] коррелятивности. Особенностью [предметно-логические отношения предмета посредством введения его свойств] **предлагаемого истолкования** соотносительности граммем, конституирующих определенную грамматическую категорию, признание того, что [...] Этим **предлагаемая интерпретация** коррелятивности отличается [предметно-логические отношения предмета посредством введения его свойств] от **трактовки данного понятия в книге 1976 г.** – трактовки, ограничивающей сферу коррелятивности лишь соотносительностью граммем в рамках [модально-логические отношения распространения в когнитивном пространстве] одного и того же слова (Бондарко 2002: 76).

Коррелятивность относится к [отношения включения в состав] сфере формообразования, которая может быть как [характеристика по функции] словоизменительной, так и словообразовательной. *Иначе говоря, мы разделяем ту точку зрения, согласно которой* формообразование – это не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов [...] *Таким образом, данный термин трактуется без дополнительных ограничений, связанных* [отношения зависимости, в частности условия] с тождеством слова [...].

Таким образом, **данная выше интерпретация** признака коррелятивности учитывает особенности тех категорий, которые, **не будучи** [характеристика по функции] словоизменительными, характеризуются возможностью [характеристика по функции] соотносительности их компонентов [характеристика по составу] в рамках [модально-логические отношения распространения в когнитивном пространстве] одного и того же лексического значения. Анализ признака коррелятивности представляет собой [характеристика структуры предмета] один из наиболее существенных компонентов [характеристика по составу] системного описания грамматических категорий в их отношении к лексике (Бондарко 2002: 208–209).

Рябцева Н. К.: В целом объективация рассуждения показывает [отношения условия – следствия], что в научном тексте мысль дискурсивна, а дискурс ментален: ментальный модус как вербализация и интерпретация познания становится метатекстом [переход из одного состояния в другое], а метатекст как квалификация и интерпретация воплощающего познание текста – ментальным модусом. Вместе они составляют [характеристика по включенности в состав] метадискурс, который в научной коммуникации составляет ее отличительную стилистическую особенность [характеристика по свойству] – придает интеллектуальный смысл [изменение состояния] коммуникативным действиям и дает коммуникативное осмысление [изменение состояния] интеллектуальным операциям, отражая тем самым синкретичность сознательной рефлексии над процессами познания их одновременного дискурсивного, вербального воплощения, экспликации. При этом сочетании дескриптивного / нарративного и диалогического / перформативного режима взаимодействия с адресатом придает метадискурсу актуальное, операционное, интенциональное значение [изменение состояния].

Научный текст как стилистическая разновидность литературного языка в полной мере использует [характеристика по функции] повествовательный, дескриптивный, «монологический» режим общения [...], но им не ограничивается. Дескриптивность научного текста имеет «дальнее значение» [характеристика по значимости] (Л. В. Щерба) [...] Поэтому научный текст принципиально диалогичен: не только в смысле М. Бахтина или Платона, подчеркивавшего «диалогический характер мышления» [...], или в связи с прямыми (цитированием) и косвенными (аллюзией) ссылками на научный контекст [...]

Диалогичность научного изложения заключается [характеристика по сущности] в актуализации изложения, синхронизации сюжета и рассуждения, в прямом и косвенном обращении к адресату, в референции к ситуации общения, ментальному пространству, в задании участия адресата в его изменении, например [...] Возможность такого «диалога» обеспечивается [отношения условия] присутствием [отношения бытия, наличия] в научном тексте предмета рассуждения – научной проблемы, порождающей [изменение состояния] ситуацию общения – ментальное пространство, позволяющее производить [отношения условия – следствия] к нему прямую метатекстовую референцию (например, *эта проблема, данные, замечания, результаты*), задавать участие адресата в ее изменении, в развитии и прогрессии рассуждения: апеллировать к ментальному миру адресата (*достаточно вспомнить, что P*), к его воображению (*допустим, что P*), побуждать его к ментальным операциям (*сравним два примера / эти данные*), вовлечь в логические действия (*Можно сделать вывод, что P*) и т. д. (Рябцева 2005: 493–494).

Прежде всего представляется целесообразным привести методологически важное замечание В. П. Карцева о том, что «в каждом конкретном случае нам следует интересоваться не всеми компонентами стиля мышления, расписанными по перечню, но лишь теми, которые оказались в творческом поиске ученого *наиболее значимыми* (Курсив наш – М. К.)» (Карцев 1984: 246). Как видим, приведенные тексты посвящены понятиям коррелятивности и метатекста (онтологический аспект). Анализ содержания этих понятий позволяет заметить выражение методологического аспекта, причем различными языковыми единицами: структура, члены пар, наличие, особенность, не будучи, в рамках, отличается, относится к, представляет собой и др. – в тексте А. В. Бондарко; показывает, становится, составляют метадикурс, составляет особенность, придает смысл, дает осмысление, придает значение, имеет значение, использует режим, закключается в, обеспечивается присутствием и др. – в тексте Н. К. Рябцевой.

Однако в данном случае наибольший интерес представляют те речетекстовые единицы, которые выражают сам процесс мысли, причем важно, что «под управлением» автора. Мы имеем в виду фрагмент текста А. В. Бондарко, где, вполне определенно можно сказать, доминирует

риторический компонент речи, поскольку автором использованы такие «речения», которые, по М. Н. Кожинной, создают фоновый контекст, чтобы достичь наибольшей эффективности общения.

Средства экспликации этого компонента выделены **полуужирным** шрифтом:

Говоря о коррелятивности [...], мы имеем в виду структуру тех категорий, которые **не могут быть признаны** словоизменительными [...], **рассматриваются нами как** разные слова [...]. **Мы не случайно подчеркиваем наличие [...], предлагаемого истолкования** соотносительности граммем [...], **предлагаемая интерпретация** коррелятивности **отличается** [...] от трактовки данного понятия в книге 1976 г. [...] **мы разделяем ту точку зрения, согласно которой [...]** данный термин трактуется без дополнительных ограничений [...] данная выше интерпретация [...] (Бондарко 2002: 208–209).

Мы приходим к мысли, что этот и аналогичные ему метатексты формируют риторический план (в концепции Е. А. Баженовой – рефлексивный субтекст) эпистемической ситуации. Риторический план текста ориентирован на читателя, актуализацию тех или иных компонентов содержания для доступного, легкого восприятия текста. По существу в этом же русле пишет Е. А. Баженова о рефлексивном компоненте эпистемической ситуации, связанном «с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления [...], а также активно утверждает свою личностную позицию в науке» (Котюрова, Баженова 2008: 48), что производит тот или иной риторический эффект.

Как известно, каждый автор так или иначе утверждает свою личностную позицию, однако здесь речь идет о самостоятельной, специальной линии рассуждения о том предмете, который параллельно развивается и раскрывается в тексте, как бы и без воли и участия автора. Обратим внимание на то, что во втором приведенном выше фрагменте нет именно такой, самостоятельной, линии развития мысли. Вместе с тем этому тексту присуща открытая логичность как свойство мышления, выраженное специальными, функционально ориентированными единицами, а также их комплексами в речевой ткани, т. е. в контексте их использования (подчеркнутыми прямой чертой). И в этом состоит (в отличие от рассмотренного выше первого примера – отрывка из текста А. В. Бондарко) риторическая особенность, или риторический эффект, воздействия на адресата индивидуального стиля речи Н. К. Рябцевой, – особенность, «проявленная» в данном фрагменте текста.

Важно подчеркнуть, что в любой монографии как весьма сложном жанре письменной научной речи обычно представлены различные риторические приемы актуализации компонентов содержания. Кстати, необходимость использования таких приемов вполне подтверждается психофизиологическими исследованиями А. А. Биркина, который в заключении монографии пишет: «Весь смысл в том, чтобы при помощи речи самую трудную информацию можно было легко донести и объяснить. Чтобы не возникало трудностей с ее декодированием нервной системой человека. Чем сложнее построена фраза (письменная или устная), тем дольше время ее декодирования» (Биркин 2009: 326). Интересно и другое – совокупность (если не система) приемов, использованных при порождении конкретного текста, – совокупность, концентрирующая воздействующую силу текста в соответствии с предполагаемым риторическим эффектом и, кстати, формирующая индивидуальный речевой стиль ученого.

Литература

- Арутюнова Н. Д., 1999, *Язык и мир человека*, Москва: Языки русской культуры, 896 с.
- Баженова Е. А., 2001, *Научный текст в аспекте политекстуальности*, Пермь.
- Баженова Е. А., 2005, *Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста*, „Stylistyka”, XIV, Ополе, с. 317–334.
- Баженова Е. А., 2014, *Дискурсивно-стилистический анализ текста*, „Stylistyka”, XXIII, Ополе, с. 9–18.
- Бедрина И. С., 2001, *К обоснованию категории предшествующего знания (ПЗ) в научном тексте. Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов*, под ред. М. П. Котюровой, вып. 4, Пермь, с. 157–178.
- Белозерова Н. Н., 2010, *Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы?*, Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 252 с.
- Биркин А. А., 2009, *Природа речи*, Москва: Издательство «Ликвидация безграмотности», 384 с.
- Бондарко А. В., 2002, *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка*, Москва: Языки славянской культуры, с. 99–114.
- Залевская А. А., 1985, *Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности, Исследование речевого мышления в психолингвистике*, Москва.
- Карцев В. П., 1984, *Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований*, Москва.

- Кожина М. Н., 2002, *Стилистика и риторика в их взаимоотношении, Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды*, Пермь, с. 126–149.
- Котюрова М. П., 1983, *Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII–XX вв.*, Пермь. 96 с.
- Котюрова М. П., 1998, *Научный текст и его цельность*, „Stylistyka”, VII, Ополе, с. 329–342.
- Котюрова М. П., 2011, *Дискурсивно-стилистическое рассмотрение стереотипности речи (На материале текстов научных статей)*. «Стереотипность и творчество в тексте», вып. 15, под ред. М. П. Котюровой, Пермь, с. 46–61.
- Котюрова М. П., 2015, *Слова широкой эпистемической семантики и их функции в научном тексте* (в печати).
- Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2008, *Культура научной речи: Текст и его редактирование*, Москва: Флинта: Наука, 280 с.
- Котюрова М. П., 1996. *Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения*. – *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.*, под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т., т. II, ч. 1, *Стилистика научного текста (общие параметры)*, глава XI, Пермь: Изд-во Перм. ун-та.
- Рябцева Н. К., 2005, *Язык и естественный интеллект*, Москва: Academia, с. 57–75.
- Gajda S., 1982, *Podstawy badac stylistycznych nad jkzykiem naukowym*, Warszawa.

Epistemic situation as a semantic unit of scientific texts in stylistic and rhetorical aspects (towards term development)

The article deals with the epistemic situation understood as a semantic unit of scientific texts. An epistemic situation comprises the substantial aspects of the content – ontological (represented by the terminized concept), methodological (how knowledge is acquired and in what form it is verbalized) and axiological (correlated with value characteristics of knowledge). A language system possesses a wide range of means that can explain the epistemic situation. The rhetorical analysis consists of determining the dominant characteristics of the text, conditioned by dynamics of the epistemic situation – the dynamics which help to appeal to the addressee.

Keywords: *scientific text, scientific knowledge, semantic unit of scientific text, epistemic situation, stylistic analysis, rhetorical effect.*